

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

★
СПЕЦНАЗ
ГРУ

Операция

«Антитеррор»

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Операция «Антитеррор» / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-106645-1

Их объявили в розыск как отпетых убийц. В итоге двое бывших спецназовцев оказываются у боевиков, в банде Марии — русской женщины, неуловимой и безжалостной террористки по кличке Гаврош. Она готовит крупную диверсию в одном из городов России. Обоим спецназовцам предназначена в этой акции ключевая роль. Что ж, пора задуматься, кто они — покорные ягнята или парни из российской боевой элиты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-106645-1

ГЛАВА 1

1

Трамвай затормозил так резко, что пассажиры по-сунулись, попадали друг на друга. Послышался скрежет рвущегося тонкого металла и звон разбитых стекол. И крепкий мат пассажиров — это рабочие электрометаллургического комбината ехали на смену. Metallурги за словом в карман никогда не полезут, общение с горячей сталью делает их самих людьми взрывоопасными, а лексикон ограниченным — потому как в горячем цехе разговаривать трудно. Но разговор этот обычно бывает чрезвычайно колоритным и, как правило, односторонним — как иначе можно разговаривать с упавшей за шиворот каплей жидкого металла!

Раздались стоны и реплики сильно ударившихся о сиденья, о стойки или же просто друг о друга, а все это перекрыл жуткий женский вопль. Как оказалось, вопль этот принадлежит водителю — молодой краснощекой татарке. Едва взглянув на нее, даже пьяный и буйный понимал, что с такой женщиной связываться рискованно — всегда даст отпор, но сейчас она упиралась ногами в переднюю стенку и изо всей силы вдавливала себя в спинку сиденья. И вопила, сколько хватало дыхания. Прерывалась на короткий миг и начинала вопить вновь.

Те, кто стоял ближе к дверце водителя, пытались сквозь толстое стекло рассмотреть, что же с ней случилось. Сдвинуть вбок саму дверцу не удавалось, она открывалась изнутри. Наконец пожилой металлург не пожалел свою новую кожаную куртку и с силой ударил в стекло локтем. Полетели стекла, порезали рукав куртки. Мужчина просунул руку и открыл дверцу.

— Что с тобой, голубушка? — пробасил он, но ответа не дождался.

Переднее стекло трамвая осыпалось мелкими осколками вперед, но на женщине даже царапины заметно не было. Дядька-металлург, должно быть, слышал, что такое нервный шок, потому шагнул за порог, схватил женщину за плечо и с силой встряхнул, пытаясь выбить из нее испуг, привести в чувство или хотя бы остановить рвущиеся из нутра дикие истеричные крики. И только тут увидел остекленевшие, точно неживые глаза с почти невозможно — от ресницы до ресницы — расширенным зрачком. И глаза эти смотрели вперед. Вернее, отталкивались от того, что было впереди, пытались отодвинуться, но мешало сиденье и задняя стенка водительской кабины, мешал весь трамвай, что был у нее за спиной.

Дядька-металлург видел впереди только помятую крышу белого автомобиля с разбитым верхним люком. И понимал, что не эта крыша так напугала водителя. Он положил свое пузо на переднюю панель трамвая и с трудом, кряхтя, наклонился.

Он увидел такое, от чего его чуть не вырвало. Он резким движением живота надавил на тумблеры, удлиненные ручками из наборного цветного органического стекла, и открылись все двери вагона. Можно было выходить, движение, обычно оживленное в этой части улицы, из-за аварии стихло. Большинство автомобилей осторожно объезжало место происшествия, некоторые

припарковывались у газона, водители выглядывали, чтобы или помочь, или скорее всего просто поглазеть.

Металлург вдруг рванулся к двери и пробил брешь в толпе. Его выворотило наизнанку. Он пошел к газону, не обращая внимания на медленно едущие почти на него машины, а мутило от одного воспоминания об увиденном.

Но не все оказались такими слабонервными. Некоторые сразу ринулись вперед — посмотреть, что там случилось. Большинство из них, бросив только взгляд, все же отходило сразу в сторону, не вынеся зрелища, кое-кто останавливался.

— Классный «Лексус»...

— Был классным. Сейчас это металлолом вперемешку с человеческим фаршем.

— Как вам не стыдно, молодые люди! Здесь же трагедия произошла...

Наконец кто-то сообразил и бросился к правой дверце автомобиля, рывком, с помощью других рук, тут же пришедших на помощь, открыл ее. Пассажир справа, худенькая женщина лет двадцати двух — двадцати пяти, бледная, испуганная, одной рукой придерживала другую, должно быть, ушибленную или сломанную, больной рукой прижимала к себе сумочку. Но все же она вышла, прихрамывая, сама. Коротко стриженные волосы были растрепаны, и из-под челки смотрели, ничего не понимая, испуганные глаза.

Женщина была хорошенькая, и сразу нашлось немало желающих поддержать ее под руки и отвести в сторону, к газону, где можно было если не сесть — мокрый снег покрыл траву, — то хотя бы прислониться плечом к стволу молоденькой липы. Она оперлась на подставленные руки. Ярко наманикюренные, острые ногти вцепились в рукава помощников, словно она боялась не удержаться и упасть.

Остановилась случайно проезжавшая мимо «Скорая помощь». Врачи подошли сначала к раздавленному «Лексусу». Даже не стали пульс прощупывать и прикасаться к водителю машины. С ним было уже все и так ясно. Занялись водителем трамвая. И только когда ее усадили на сиденье, кто-то показал врачам на щуплую женщину, стоящую на газоне в прежней неестественной позе. О ней как-то забыли в суматохе.

Подъехала милицейская машина из райотдела и другая «Скорая помощь», которую вызвали.

— Он как специально... Он как специально... — закричала вдруг водитель трамвая, выпрыгнула из «Скорой помощи» и бросилась бежать по дороге, неловко переставляя ноги в сапогах на высоких и уродливо широких, модных ныне, каблуках.

— Куд-да... — раздался окрик.

Милицейская машина через десять метров нагнала ее, выскочили два сержанта и схватили женщину под руки, а потом затолкали в свою машину через заднюю дверь. За решетку.

— Он как специально свернул... — продолжала кричать женщина в истерике, повернув лицо неизвестно к кому, то ли объясняя, то ли оправдываясь. Но люди, словно стесняясь, отворачивались от полубезумного взгляда.

Подошел врач с машины «Скорой помощи», высокий и широкоплечий парень с сосредоточенным лицом.

— Откройте заднюю дверь, — сказал он резко и категорично. — Мы ее с собой забираем. Вы что, не видите, в каком она состоянии...

— После допроса, может, и заберешь... — невозмутимо ковыряя в редких зубах спичкой, ответил кругломордый очкастый старший лейтенант с переднего сиденья. Он только что пообедал и раздражался оттого, что пришлось здесь остановиться. Он — райотделов-

ский. По сути дела, это происшествие его совсем не касается. Приедет машина ГИБДД, пусть сами разбираются, кого в больницу отпускать, кого допрашивать.

— Мне нужно хотя бы осмотреть ее... — Врач настаивал на своем.

— После допроса и осмотришь... — Мент демонстративно отвернулся, с удовольствием, как любой мелочный человечек, показывая свое «право силы».

Врач упрямо нагнул голову, и на шее у него вздулись синие вены — видно, упрямства и характера ему было не занимать. Он посмотрел на невозмутимого старшего лейтенанта так, что того отчего-то передернуло. И сказал угрожающе, хотя и спокойно:

— Короче, если мне сейчас же не позволят выполнять мою непосредственную работу, я немедленно еду в прокуратуру и пишу заявление.

— Напугал... — усмехнулся старший лейтенант и оглянулся — не слышат ли посторонние их разговор. — Егоров, — громко сказал он в толпу. — Выпусти эту истеричку. Пусть ее там осмотрят.

Водителя трамвая выпустили, и врач, взяв женщину под руку, тут же увел ее в «уазик» «Скорой помощи», где уже сидела женщина с короткой стрижкой. Резко хлопнула дверца. «Скорая помощь» взвыла сиреной, развернулась и поехала по встречной полосе движения через трамвайные пути. Мигалка ехидно показывала ментовскому лейтенанту, что он остался без участников происшествия.

— Ну, попадется он мне где-нибудь... — лицо врача старший лейтенант хорошо запомнил. Мент не любил лица людей, имеющих свое мнение. Да кто он вообще такой? Врачишка несчастный...

— Ну, попадется мне этот старлей на операцию... — тем временем сказал врач водителю «Скорой помощи». — Я ему аппендикс с яйцами спутаю...

В последнее время я вынужден был часто посещать городское управление. Как-то так получалось, что многие мои дела пересекались или шли параллельно с ментовскими. И потому меня здесь уже хорошо знали и даже пропуск не спрашивали. И в этот раз дежурный оказался знакомым. Я приветственно кивнул ему.

— Привет. Я к Лоскуткову.

— Привет, частный сыщик. А у тебя шнурок развязался... — сказал капитан и, не дожидаясь, пока я посмотрю на свои сапоги на замке-«молнии», расхохотался.

Ментовский юмор не знает границ!

Я поднялся по лестнице, прошел в середину коридора, стукнул два раза в дверь кабинета майора Лоскутова и вошел, не дожидаясь приглашения.

— Привет, майор...

Он сегодня, как всегда, суров.

— Здравствуй, майор. Долго же пришлось тебя ждать.

Я посмотрел на него, беззаботный, как утреннее солнышко, хотя погода на улице стояла прескверная — то ли дождь со снегом, то ли излишне мокрый снег, то ли осень кончается, то ли зима начинается — и о беззаботном солнце пора забыть.

— Надо было выписать мне официальную повестку. Тогда бы я явился минута в минуту в соответствии со своей природной пунктуальностью. А во всех других случаях я появляюсь только в свободную минуту. Разницу, господин мент, в этом видишь?

Будь у меня нервы послабее, я обязательно отбил бы себе седалище, упав под рысьим взглядом Лоскутова на пол.

— Чего надо? — спросил я. — Да еще так срочно... У меня своих забот — в карманы не влазят...

Майор, надо сказать, позвонил мне совсем не вовремя. Я осваивал недавно приобретенный компьютер, учился двумя пальцами набирать текст как можно быстрее и провел за этим занятием несколько часов. Пальцы сильно устали, и тогда я на пару часов занялся другим — принялся раскладывать на экране монитора сложный компьютерный пасьянс. От этого важного дела Лоскутков меня и отвлек. А я, признаться, не люблю, когда меня отвлекают от важных дел.

— Я тебя пригласил как бывшего спецназовца. Консультация требуется.

— У вас что, своего спецназа не хватает?

— У нас нет спецназа ГРУ.

А он льстец. Знает, чем купить отставного бравого вояку, которому весьма даже свойственно чувство гордости за свою предыдущую службу.

— Ну-ну... — Я сел на жесткий стул у стены, сбоку от стола майора. Не люблю садиться напротив, где обычно сажают допрашиваемых. — Чем тебе не понравился спецназ ГРУ?

— Где-то я читал об одном фирменном ударе, которому у вас обучали...

— Ты еще иногда что-то читаешь?

Лоскутков ехидства в моем невинном вопросе не уловил. Он считал нормальным, что у него хронически не хватает времени на то, чтобы хотя бы перелистывать художественную литературу. Обычно, заглянув ко мне домой, он читает только названия книг на корешках.

— Если бы тебе пришлось читать столько бумаг, сколько мне... — Майор вздохнул непритворно.

— Так где ты читал про фирменный удар спецназа ГРУ? Рассказывай... — Я всегда болезненно отношусь к любому обвинению своих войск.

— Проходило в каких-то ориентировках. Уже запомнил когда, но сам факт в голове застрял.

— Компьютером надо пользоваться, — съехидничал я опять.

Компьютер в кабинете Лоскуткова поставили совсем недавно — через пару дней после того, как этой техникой обзавелся я, но он использует его исключительно как печатную машинку. Другого просто не умеет.

— Я уже спрашивал наших компьютерщиков. У них нет таких программ, которые могут проводить подобную выборку. Там только строгий перечень классификации преступлений и поименный архив.

— Не надо, значит, сажать талантливых программистов на длительные сроки. И вообще, относись к таким вещам проще. Пообещай год скостить, и они тебе, уверен, горы свернут...

Пару недель назад мы совместно с Лоскутковым, но по разным побудительным мотивам — я через заказ и предварительную оплату клиента, он через открытие уголовного дела — расследовали одно и то же преступление. В итоге сейчас под следствием сидит женщина — суперталантливый программист. Если бы ее использовать вовремя, можно было бы создать эксклюзивные оригинальные программы, которые могли бы существенно помочь ментам и прочим следакам в их деле.

— Ладно, я не о том.

— Давай «о том»... Что за удар?

— Вот, — Лоскутков всегда держал стол предельно чистым. Ни одной лишней бумажки. И сейчас достал из ящика, который открыл ключом, пачку фотографий. Бросил на стол.

Я посмотрел. Трупы анфас и в профиль меня интересовали мало — лицезрение следственных фотографий дело вообще малоприятное, и я выбрал только крупные планы. На фотографиях двое мужчин. У обоих

одно и то же ранение — с левой стороны в районе сонной артерии пробито горло.

— Как их так угораздило?

— В течение недели. Два компаньона. И того и другого в машине. В одном и том же месте, около офиса. Ребята криминальные, из очень крутых. Не каждый решится на них насесть. Но кто-то решился. Ну что, знаешь такой удар?

— Удар такой знаю. Это довольно простая вещь. Наносится, как правило, одним или двумя пальцами. Но это удар вырубаящий, не смертельный. Из моих знакомых только несколько человек умели пробить горло — чтобы сразу наповал.

— Кто? — встрепенулся Лоскутков.

— Двоих уже нет. В Афгане погибли. Один сейчас, насколько я знаю, принял сербское гражданство и в России не появляется — сильно его командование обидело. Есть один человек и в нашем городе...

Лоскутков встал, напряженный, как тяжелоатлет перед рывком штанги...

— Вольно, садитесь, товарищ майор, — сказал я спокойно. — Он не подходит на роль подозреваемого по одной-единственной, но решающей причине...

— Ну?

— Удар этот наносится правой рукой, потому что сонная артерия пробивается только слева. Справа ты можешь ее прощупать только как пульс. Я понимаю, что сидящего в машине человека со стороны улицы можно ударить и левой рукой. Так даже сподручнее, если подходишь к машине сзади. Но чтобы сделать этот удар смертельным, нужно тренироваться много лет. А тренируются, как правило, не предполагая, что жертва будет сидеть в машине. Короче, тренируют только правую руку, потому что левая в этом плане обычно бывает бесполезна.

— Дальше, дальше... — Майор только сейчас сел, раздраженный моей медлительностью. Ему, кажется, просто не терпелось вызвать группу захвата и ехать арестовывать, хватать, ломать, обыскивать и допрашивать.

— А дальше все просто. Тот человек, о котором я тебе говорил, прослужил в армии дольше меня. Умудрился не попасть под сокращение, когда вся эта демократическая катавасия началась. В Чечне у него взорвалась в руках граната. Запал был неисправен. Правую руку ампутировали по локоть.

— Чем он сейчас занимается?

— Пьет «горькую».

— Кто он такой?

— Подполковник Проханов. Леня Проханов, хороший был командир роты в Афгане.

— Ты с ним вместе воевал?

— Нет, он был в другом батальоне. У Лени в роте потерь не было. Представляешь?

— Не болтай... На войне не бывает без потерь. Тем более в спецназе.

— Глуп ты, Лоскутков, — разозлился я не на шутку. — Все вы, гражданские, ментовские и даже большинство военных — глупы. Вы всегда думаете, что спецназ готовится специально для рукопашной. А спецназ в первую очередь обучают выживанию и умению убивать, оставаясь невредимым. Вот почему у нас почти у каждого офицера было по два высших образования. Чтобы мог лучше головой работать в боевой обстановке.

— И у тебя? — спросил он ехидно.

— И у меня, — кажется, я его этим удивил. Могу и еще больше удивить. — Кроме того, офицер должен знать несколько иностранных языков.

— И ты?

— И я. Обучение одного офицера спецназа обходится государству в такую же сумму, как обучение целого горотдела ментов. Поэтому спецназовец должен себя беречь. Вот этому нас здорово учили.

— Только потом выбросили на помойку...

— Да... — горько согласился я.

— Так что ты скажешь про своего Леню?

— Скажу, что он не мог совершить это убийство по причине своей инвалидности.

Майор вздохнул.

— А разные доморощенные каратисты и прочие?

— На то они и доморощенные. Их слишком плохо учат. На татами боевых навыков не обретешь.

— Но кто-то же это сделал? — Мент с силой хлопнул ладонью по пачке фотографий.

— Вероятно, и среди спортсменов бывают особо талантливые...

Зазвонил телефон.

— Майор Лоскутков. Слушаю. Да. Привет, Лева. Да как сказать... Твоими молитвами... Здесь он. Сейчас.

И протянул трубку мне:

— Твое начальство разыскивает знаменитого сыщика.

Я ответил ему кривой усмешкой и пододвинулся вместе со стулом к телефонному аппарату.

— Серега. — Лева Иванов, шеф нашего частного детективного агентства «Аргус», похоже, захлебывался от восторга. Такое с ним иногда случается, когда предвидятся обстоятельства, позволяющие подправить обычно шаткое финансовое положение агентства. — Ты стал опять нарасхват. Тут ши-икарная дама пожаловала. С заказом. Желает иметь дело только с тобой. Кто-то, видимо, порекомендовал. Приехала сама за рулем джипа, представляешь... Оплачивать готова любые расходы.